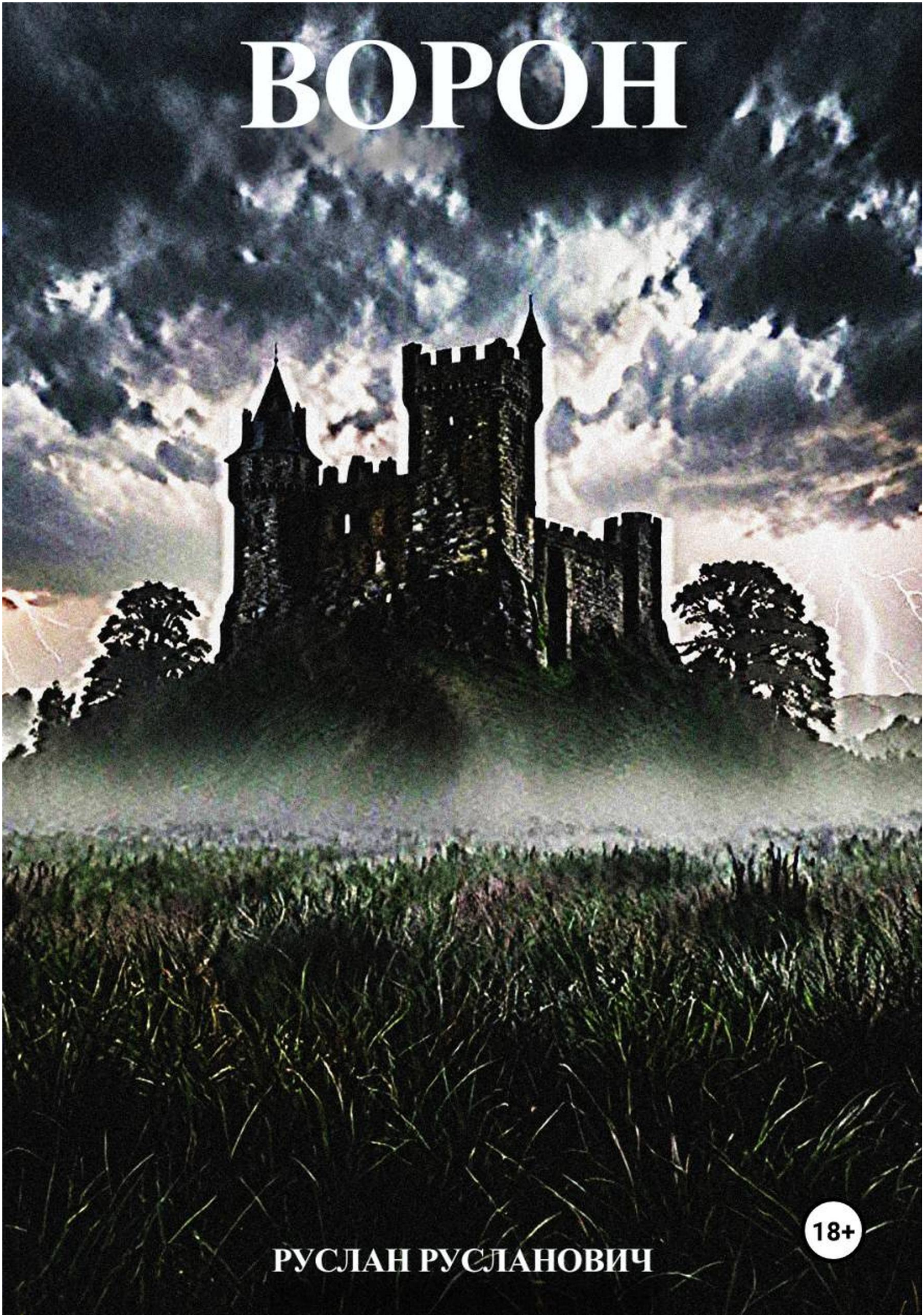
ВОРОН

18+

РУСЛАН РУСЛАНОВИЧ

Руслан Русланович

Ворон

«Автор»
2026

Русланович Р.

Ворон / Р. Русланович — «Автор», 2026

Игорю Воронову восемнадцать. Три года колонии — за грабёж, который он совершил, потому что завод не платил отцу, а брату нужны были лекарства. Теперь он снова на воле, на челябинской остановке у ЧМК — с рюкзаком, кнопочным телефоном и тетрадью, в которой десять песен и один план: записать альбом и уйти в музыку навсегда.Но на остановке его встречает Костя Штырь — и у Штыря есть тема. Склад с просроченной фармацевтикой. Офис кальянщика на Кирова. Инкассация банка на Свердловском. Каждый шаг оплачивается не деньгами, а куском самого себя: голосом, который срывается на простых словах; Лерой — дочерью участкового капитана Морозова, которая единственная видит в нём Игоря, а не Ворона; тетрадью, куда вместо строчек о любви ложатся названия «Офис на Кирова» и «Восемьсот тысяч».Морозов знает о нём всё. Мать знает главное и молчит. И только голос — шершавый, живой, не поющий, а рассказывающий — продолжает спорить с судьбой, которую уже подписали чужими руками.

© Русланович Р., 2026
© Автор, 2026

Руслан Русланович
Ворон

ВОРОН
Повесть

Дисклеймер

Все события, персонажи и обстоятельства, описанные в этой повести, вымышлены. Совпадения с реальными людьми, живыми или умершими, организациями и местами случайны и непреднамеренны.

Книга повествует о жизни человека, который встал на преступный путь и заплатил за это свободой. Автор не стремится приукрасить и тем более прославить криминал: этот путь показан таким, каков он есть, — с потерями, страхом и ценой, которую платит не один человек, а все вокруг него. Описания преступлений намеренно обобщены и не являются руководством к действию.

Повесть затрагивает темы насилия, отбывания наказания и утраты. Она не предназначена для читателей младше 18 лет. Если какие-то эпизоды вызвали у вас тяжёлые чувства, не оставайтесь с ними наедине — поговорите с близкими или обратитесь к специалисту.

Глава 1. Возвращение

14 сентября 2025 года. Остановка «ЧМК»

Автобус выдохнул сизым дымом и ушёл в сторону завода, оставив Игоря одного на бетонной плите. Воздух здесь не дышал — он лежал на языке ржавчиной и чем-то химическим, сладковатым, как гнилые яблоки. ЧМК справа ворочал огнями, глотал и выплёвывал составы; слева, в пятиэтажке, сушились простыни и хлопали на ветру, как усталые ладони.

Игорь поправил лямку рюкзака. Под лямкой — потёртость до брезента. Три года. В рюкзаке — потрёпанная тетрадь в клетку, свитер, пахнущий хлоркой колонии, и дешёвый кнопочный телефон с треснувшим экраном.

Тело помнило другое: как держать плечи, как не смотреть в глаза, как быстро просыпаться от любого шороха. Здесь, на воле, мышцы забыли всё.

— Ворон!

Он не обернулся сразу. Голос знакомый, выше, чем он помнил, с хрипотцой курильщика. Костя «Штырь» стоял, облокотившись на перила, и улыбался. Кроссовки белые, с тремя полосками, ни одной пылинки. В руке — смартфон, чёрный, блестящий, как кусок антрацита.

— Слышал, ты на малолетке авторитетом стал. — Штырь сплюнул под ноги. — Ну что, есть дело. Не хочешь заглянуть к пацанам? Есть тема на вечер. Только теперь всё серьёзнее, чем раньше — не просто телефоны потрясти.

Игорь смотрел не на Штыря — на тень от антенны на асфальте. Тень была похожа на птицу с клювом вниз.

— Я только вышел.

— Именно. — Штырь перестал улыбаться. — Тебя уже ждут.

14 сентября 2025 года. Улица Кашириных, дом 9

В квартире пахло жареной картошкой и мокрой шерстью: младший брат Серёжа сидел у батареи с компрессом на груди. Мать разливала чай, не глядя на чайник. Смотрела на Игоря.

— Ты надолго? — спросила она тихо.

— Не знаю.

Отец сидел у окна с газетой «Челябинский рабочий». Заголовок: «Задержка зарплаты на ЧМК — уже три месяца». Газета была свёрнута так, что заголовок прятался. Он не поднял глаз.

Игорь прошёл в свою комнату. Кровать голая, без матраса. Гитара в углу — пыль на грифе, струны ослабли. Он тронул одну — звук больной, как кашель.

На подоконнике — банка из-под кофе с окурками. Он вытряхнул её и поставил обратно. Сел на табурет, достал тетрадь.

Песни:

1. Тихий берег

2. Река (не помню какая)

3. Дождь по жестяной крыше

4. Сосны (2-й куплет)

5. Запах лака

6. Мама

7. Колыбельная для тех, кто не спит

8. Чёрный снег

9. Глаза добрые

10. После тишины

Перечитал. Последнюю — «После тишины» — написал вчера, на наре, под скрип половиц. Помнил, как слова ложились не из головы, а из груди, будто их там три года копили.

Стук в стекло. Игорь подошёл: Серёжа стоял у палисадника и махал рукой, там, за углом, маячили тени. Штырь, Боцман, Клещ. Ждали.

Он надел фуфайку. На стене висел плакат, нарисованный от руки: сосны, закат и неровная подпись «Урал». Срисовал сам три года назад, когда ещё верил, что выйдет и сразу запишет.

— Мам, я к пацанам. Скоро.

Мать не обернулась. Только плечи — выше, ниже.

14 сентября 2025 года. Гаражи за домом

Штырь сидел на перевёрнутом ящике и светил фонариком в телефон. На экране — фотография: склад, металлические ворота, колючая проволока, вахтёр в фуражке спит на стуле.

— Фармацевтика, — сказал Штырь вполголоса. — Просрочка. Но упаковки целые, товар дорогой. Ночью вахтёр уходит спать, ворота на простом замке. Одна камера — заклеим. Твоя доля — двести тысяч.

Боцман, здоровяк с бычьей шеей, хмыкнул и почесал переносицу:

— Двести — не деньги. В прошлом месяце я с одной фуры поднял четыреста.

— Фура была твоя, — отрезал Штырь. — Здесь — моё. Ворон — с нами. Он на малолетке отсидел, авторитет. С него — серьёзность.

Клещ, тощий, с бегающими глазами, стоял в тени и молчал. Только руки из карманов вынимал и засовывал обратно. Пальцы дрожали.

Игорь смотрел на фотографию. Склад. Вахтёр. Замок. Двести тысяч — это лекарства для Серёжи, это проводка в квартире, это новые струны, это студия «Гранит» в Ленинском районе. Он узнавал: пятьдесят тысяч за десять треков.

— Я только помочь, — сказал Игорь. — Мне нужны деньги на студию. Остальное — ваше.

Штырь убрал телефон и улыбнулся, на этот раз без злобы:

— Студия будет. Пошли.

14 сентября 2025 года. Склад на окраине

Замок перекусили арматурой. Боцман держал фонарь. Клещ стоял у ворот и нервно кусал ногти. Игорь — у стены, считал шаги: от ворот до двери двадцать три, от двери до стеллажа одиннадцать.

Вахтёра не было. Камеру заклеили скотчем, который Штырь приготовил заранее. Работали молча. Только когда коробки с таблетками пошли в «Газель», Боцман уронил одну — жестянка покатилась по бетонному полу. Все замерли. Тишина стояла, как в колонии перед отбоем.

— Ничего, — сказал Штырь. — Поехали.

Уже в машине, на выезде из города, фары выхватили из темноты одинокую фигуру. Женщина с зонтом ждала автобус на пустой остановке. Лера. Она не смотрела на «Газель». Она смотрела на звёзды, которые здесь, за городом, были видны.

Игорь проводил её взглядом. Не помнил, чтобы видел раньше. Запомнил: светлые волосы, тяжёлый ботинок, одна прядь на щеке.

— Чё зеваешь? — спросил Штырь. — Доля твоя — двести. В понедельник принесу.

— Я не зеваю. Я слушаю.

— Чего слушать?

— Тишину. — Игорь отвернулся к окну. — Раньше её не было.

14 сентября 2025 года. Ночь. Комната

Он сидел на кровати. Деньги, перетянутые резинкой, лежали под матрасом. Двести тысяч. Мать не спросила, откуда; только когда он положил на стол пятьсот рублей, посмотрела и отвернулась. Отец крякнул и налил себе чаю. Серёжа засопел, компресс сполз.

Игорь взял гитару. Тронул струну — та отозвалась, как больной зуб. Стал перебирать не песни, просто аккорды. Мысли уходили: склад, вахтёр (не появился, повезло), Лера на остановке, Штырь с телефоном, мать с чаем.

Он открыл тетрадь. Переписал десять песен от руки, медленно, каждую букву. Почерк за три года стал твёрже. В конце добавил:

11. Девушка на остановке (не знаю имени)

Снизу — дата: 14.09.2025.

Телефон завибрировал. Сообщение от Штыря: «Есть тема посерьёзнее. Позвони».

Игорь выключил экран. Посмотрел на плакат с соснами — кривые, нарисованные шариковой ручкой, но сосны были высокие. Он представил, что стоит среди них. Тихо. Никакого завода. Никакого склада. Только ветер.

— Я вернусь, — сказал он вслух. — Запишу альбом. Это последний раз.

Слова повисли в комнате и стали ложью, в которую он сам себе ещё верил.

За окном пошёл дождь, мелкий, осенний, челябинский. Капли били по жестяному козырьку, как метроном.

Глава 2. «Гранит»

15 сентября 2025 года. Квартира Вороновых, 7:10

Игорь проснулся от того, что солнечный луч упал на лицо — не серый, не с завода, а настоящий, золотой, как в детстве. Он полежал, слушая, как на кухне мать ставит чайник. Пар от чайника бил в потолок, мать что-то говорила Серёже — неразборчиво, сонно.

Он встал, натянул джинсы, взял с подоконника тетрадь. Вчера дописал одиннадцатую песню — «Девушка на остановке» — и сразу закрыл тетрадь, будто кто-то мог подсмотреть.

— Садись, — мать подвинула кружку. — Я Серёжу в садик отвезу, потом поговорим.

— Мам, слушай…

— Не надо. — Она не смотрела. — Я знаю, что ты не на заводе. У тебя деньги. — Она кивнула на холодильник, где под магнитом лежала мятая пятисотка: он положил её утром, пока мать спала. — Триста. Игорь, это…

— Это доход с билетов, — сказал он, глядя в стол. — Я концерт вчера дал. В «Северном ветре». Ну, не дал — репетиция была. Слушателей пять человек. Заплатили мало.

Мать молчала. Потом взяла деньги; пальцы у неё не дрожали, только были сухие, в муке.

— Проводку надо менять. У Серёжи бронхит — лекарства. Ты не думай, я не спрашиваю.

— Я и не думаю.

Она ушла. Игорь остался сидеть, глядя на кружку с трещиной. Триста рублей. Он врал хорошо. Три года учился, но перед кем? Перед вахтёрами, перед Штырём, перед следователем. Врать матери оказалось проще всего.

Он встал, прошёл в комнату, достал из-под матраса пачку. Пересчитал: двести тысяч минус триста — сто девяносто девять тысяч семьсот. «Доход с билетов». Он фыркнул — нервно, как лошадь.

15 сентября 2025 года. Студия «Гранит», Ленинский район

Студия пряталась в подвале девятиэтажки, между пунктом приёма стеклотары и парикмахерской «Локон». Вывеска на листе ватмана, буквы выцвели. Запах — пиво, канифоль, мокрый картон. Звукорежиссёр Вася, парень в растянутых трениках с лампочкой на ухе, открыл дверь, зевнул:

— Ты Ворон? Десять треков, пятьдесят тысяч — я запомнил. Оборудование готово. Барабанщик и басист уже едут, Диман опаздывает, как обычно.

Игорь спустился. Стены поролоновые пирамидки, в углу — микшер, мониторы на подставках из книг. На полу провода, как змеи. Он сел на стул, взял гитару — старую, отцовскую; свою оставил в квартире, эту взял у Штыря утром, «на время». Пальцы, сухие, с трещинками у ногтей, тронули струну. Звук в подвале был другой, глухой, как в колодце.

— Можно погромче? — спросил Вася, не глядя. — У нас тут не библиотека.

Игорь кивнул — и вдруг понял, что не может. Не громкость — слова. Он открыл тетрадь, увидел «Девушку на остановке» и закрыл.

— Сначала без слов, — сказал он. — Просто аккорды.

Заиграл. Минор, тягучий, как дым. Вася снял ногу с пульта и посмотрел — впервые с интересом.

— Ты где учился?

— Нигде.

— Оно и слышно. Не ври. — Вася отвернулся к мониторам. — Ладно. Работаем.

Барабанщик Серёга, рыжий, веснушчатый, восемнадцать лет, вошёл, не поздоровался и сразу сел за установку. Басист Костя, длинный, с лицом отличника, пожал руку. Диман, клавишник, пришёл с пакетом чипсов, извинился и спросил, можно ли чай.

— Песня первая. «Тихий берег», — сказал Игорь.

Вступление он сыграл. Серёга постучал пальцами по малому, вступил — не в такт, рядом. Костя взял бас — низко, почти инфразвук. Диман добавил подклад, как туман над водой.

— Ещё раз, — попросил Вася. — И пой. Не в пол. В полный голос.

Игорь открыл рот — и голос не пошёл. Горло сжалось. Не как в колонии: там он пел шёпотом, чтобы не разбудить соседей по наре. Здесь — можно, но нельзя. Он кашлянул, начал снова, и на втором такте голос сорвался. Не на высокой ноте — на простой, на слове «берег». Сип, как у старика.

— Стоп, — сказал Вася. — Отойди. Воды.

Игорь вышел в коридор, сел на корточки, закрыл глаза. Три года. Ты мужик. Ты держал удар. Ты не плакал на малолетке. Но сейчас горло не слушалось, будто кто-то держал за кадык.

Вернулся. Вася молча налил стакан. Игорь выпил; вода пахла хлоркой.

— Ещё раз, — сказал он.

Второй раз получилось. Не хорошо — живо. Голос шершавый, как он и хотел. Серёга ударил громче, но в такт. Костя улыбнулся — незаметно, уголком рта. Диман перестал жевать чипсы.

— Записываем, — скомандовал Вася.

К концу третьего часа у них была основа. Не аранжировка — скелет. Игорь слушал в наушниках и не узнавал себя. Не потому, что голос. Потому что не врал. В колонии он врал

даже когда пел про реку — врал, что верит, что выйдет. Здесь не врал. Это было страшно, как стоять голым.

— «Сосны», — сказал он. — Быстро. Без подготовки.

Взял аккорд и запел. Слова — про ветер, про то, как хочется остаться там, где не слышно города. На втором куплете голос опять дрогнул, но не от слабости. От чего-то другого. Он не знал, как это назвать.

— Снято, — Вася снял наушники. — Ты не поёшь. Ты рассказываешь. Редкая штука: обычно все поют, будто врут.

Игорь молчал. Врать он умел. Оказывается — не всем.

15 сентября 2025 года. Вечер. Студия

Музыканты ушли: Серёга и Костя побежали на последний автобус, Диман остался переслушивать запись. Игорь сидел на стуле и считал деньги. Пятьдесят тысяч — Васе. Двадцать — музыкантам: он дал наличные, Костя пересчитал, кивнул без обиды. Остаток — сто тридцать. Было двести.

— Слушай, — Диман оторвался от ноутбука. — У меня знакомый в дистрибуции. Заливает на все площадки за сутки. Если хочешь, скину ему. Назовёшь альбом — и полетит.

— Название?

— Ты же говорил — «Тихий берег».

— Угу.

Диман набрал номер и показал экран: «Загружено. Через сутки — везде». Игорь кивнул. Ещё тридцать тысяч ушло на таргет. Он перевёл — осталось сто. Сто рублей: на проезд, на хлеб, на сигареты. На жизнь.

— А это, — Диман ткнул в график прослушиваний, пока пустой, — завтра увидишь. Если не накручивают.

— Не накручивают.

— Ты из колонии?

Игорь поднял глаза.

— По тебе видно. — Диман не смутился. — У тебя взгляд человека, который три года не видел горизонта. Я в армии был, знаю. — Он помолчал. — Хороший альбом. Если не сольёшься — люди услышат.

Игорь вышел на улицу. Дождь, мелкий, осенний, челябинский. У ларька женщина с зонтом ждала автобус. Не Лера — другая, старше, в берете. Он прошёл мимо.

Телефон завибрировал. Штырь.

— Ворон, есть тема. Офис на Кирова. Бизнесмен — Рашид Асланов, кальянные, разливное. Оборот хороший, крыша слабая. Заходим втроём, без крови — просто напугать. Доля — пол-лимона. Ты в деле?

Игорь смотрел на экран. Там была заметка: «Альбом: Тихий берег. Дата релиза: 16.09.2025. Прослушивания: 0 (пока)». Он стёр её.

— Я подумаю.

— Чего думать? Деньги лёгкие.

— Я сказал: подумаю.

Он выключил экран. Посмотрел на небо: над городом висела гарь, но сквозь неё пробивалась звезда. Не наша — самолёт. Или спутник.

Доход с билетов. Он усмехнулся — нервно, как лошадь.

16 сентября 2025 года. 06:45. Квартира

Он не спал. Сидел на кухне и смотрел, как мать режет хлеб — тонкими ломтиками, чтобы хватило. Серёжа спал. Отец читал газету, всё ту же, про зарплату.

— Я сегодня в Ленинский, — сказал Игорь. — Может, задержусь.

— Деньги есть? — спросил отец, не поднимая глаз.

— Есть.

— Ты матери не ври. Про концерт.

Игорь промолчал. Отец отложил газету — впервые за утро.

— Если ты с теми, — сказал он тихо, — лучше скажи. Я в армии был, знаю: лучше знать, чем не знать. Мать всё равно узнает. Когда придут — лучше, если от тебя.

— Я не с теми.

— Твоё дело. — Отец взял хлеб, откусил. — Но если ты с теми — не прячься. Прятаться — хуже всего. Я твоего деда помню, тот тоже прятался. До семидесяти лет прятался. Потом умер — и никто не помнит, что он прятался. — Откусил ещё. — Помнят, что был. Это уже другое.

Игорь встал, налил чай. Руки не дрожали, слава богу.

— Я не прячусь, пап.

— Ну-ну.

Отец уткнулся в газету. Заголовок: «Задержка зарплаты на ЧМК — уже четыре месяца». Газета была свёрнута так, что заголовок прятался.

16 сентября 2025 года. 19:00. Бар «Северный ветер»

Игорь не хотел идти. Штырь настоял: «посмотри на людей, не прячься». Он пришёл, сел в угол, пил колу. Лера, та самая с остановки, сидела через два столика с подругой. Подруга, крашеная хохотушка, что-то рассказывала. Лера смотрела в телефон. На неё упал свет, и Игорь увидел: она не просто красивая. Она спокойная. Как вода в озере, не как река.

Он не подошёл. Не знал, что сказать. «Я записал альбом. Я не бандит. У меня сто рублей». Подошёл Штырь, сел рядом, локтем толкнул.

— Вон, смотри. Та самая. Джинсовка, стрижка. Как зовут — не знаю.

— Лера.

— Откуда знаешь?

— Она на остановке была. Позавчера.

Штырь присвистнул:

— Смотри, не влюбись. У неё отец — мент. Участковый. Серьёзный мужик. — Он помолчал. — Хотя тебе-то что. Ты же у нас теперь музыкант.

Игорь допил колу. Поставил стакан — и стакан дрожал. Не от рук. От чего-то внутри.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.